

состоит в том, чтобы разрешить и облегчить аббату крупнейшего монастыря Падуи покупку участка земли. В этой юридической процедуре аббат должен использовать данную ему синьором грамоту, как необходимое звено среди документов, при помощи которых оформлялась купля-продажа.

Приведенные рассуждения и некоторые примеры указывают, что освещение сложного вопроса классификации актового материала требует еще немало работы, для которой крайне необходимы крупные критические издания большого количества еще не обработанных и не изданных частных актов.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИКА В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на отставание византийской дипломатики как науки от темпов развития западноевропейской дипломатики. Действительно, если последняя располагает такими классическими работами, как труды Зиккеля, Фиккера, Жири, Боюара, Бресслау, Штейнакера и др., то все, что было выработано в этом отношении византийской дипломатикой, носило до самого последнего времени характер частных исследований. Так, если просмотреть первый историографический обзор литературы, относимой его автором к области дипломатики,¹ то окажется, что он посвящен главным образом публикациям актового материала, работам по хронологии, администрации, просопографии, географии, ономастике, топонимике, нумизматике, метрологии, сигиллографии и лишь в незначительной степени работам, которые можно отнести к собственно дипломатике. Правда, при этом Руйяр опустила работу русского ученого П. А. Яковенко о грамотах Нового монастыря на о. Хиосе, вторая глава которой «Главнейшие дипломатические признаки византийских императорских грамот XI—XV веков»² является по существу первым аналитическим исследованием дипломатического состава византийских актов. Не все вопросы, связанные с прочтением и осмыслением удостоверительных знаков и помет византийских актов, Яковенко удалось решить (например, следует отметить его ошибочную трактовку знака, впоследствии правильно прочтенного Дэльгером как Legimus,

¹ G. Rouillar. La diplomatique byzantine depuis 1905. Byzantion, 13 (2), 1938, pp. 605—629.

² П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917, стр. 63—118.

в качестве каникломы, особой «скрепы хранителя каниклия», т. е. императорской чернильницы),³ но то, что было главным в его работе — типология и классификация византийских императорских актов, выделение из всей массы документов двух основных типов — простагм и хрисовулов — явилось несомненным достижением византийской дипломатики как науки.

В последующие (после появившегося в 1938 г. обзора Руйяр) годы исследования в области византийской дипломатики сохраняют свой вспомогательно-подготовительный характер, хотя и на новой, более высокой ступени. Это отразилось прежде всего на самой публикации дипломатических источников — актов. Если публикации авторов XIX в., в частности хорошо известное специалистам многотомное издание церковных и светских дипломов Миклошичем и Мюллером (1860—1890 гг.) или издание актов русского монастыря на Афоне Терновским (1873 г.), были лишены элементарного дипломатического анализа (в них не делалось даже различия между подлинными документами и подложными) и если в изданиях афонских актов серии «Actes de L'Athos», печатавшихся в «Приложениях» к Византийскому временнику с 1903 г., эти задачи решались только в той мере, в какой это было нужно для установления подлинности акта, то начиная с 30-х годов требования к публикациям необычайно возросли. Современное критическое издание — *editio diplomatica* — предполагает всесторонний анализ издаваемых документов, включающий в себя не только выяснение подлинности источников, но и изучение всего комплекса их дипломатических признаков.⁴ Именно такими являются издания афонских актов в рамках французской серии «Archives de l'Athos» и некоторые самостоятельные публикации, авторам которых нередко удается решить задачи, имеющие принципиальное значение для изучения византийской дипломатики. Совершенствуется техника издания документов,⁵ проводится большая работа по выявлению и оценке всего сохранившегося актового материала, прежде всего богатейших архивов афонских монастырей.⁶

Значительный интерес для дипломатики представляют методы дипломатического и текстологического анализа, применяющиеся

³ Там же, стр. 80—82.

⁴ См.: F. Dölger. Richtlinien für die Herausgabe byzantinischer Urkunden. *Studi biz. e neoecl.*, 7, 1953, pp. 55—60 (= Atti dell' VIII Congr. Intern. di Studi Biz., Palermo, 3—10 Apr. 1951).

⁵ Например, обращает на себя внимание статья Баришича о необходимости вводить в издания дипломатических источников, написанных на бумаге, филиграней. См.: F. Barišić. L'importance des filigranes dans les éditions des actes diplomatiques. *Зборник радова византолошког института*, X, 1967, pp. 59—63.

⁶ О состоянии афонских архивов см.: N. Oikonomidès. Les archives médiévales du Mont Athos: état actuel de l'inventaire et programme de publication. *Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies*, London, Oxford University Press, 1967, pp. 489—493.

исследователями для датировки или атрибуции дошедших во фрагментах или недатированных документов, особенно когда авторы не ограничиваются решением частных задач и переходят к обобщениям. Например, Острогорский, подробно анализируя императорскую простагму из архива Лавры, делает экскурс в область византийской дипломатики, придя к ряду выводов, имеющих принципиальное значение.⁷ Он показал, что издание простагм было исключительной прерогативой императора и никогда (вопреки мнению Анастасиевича и Дэльгера) — деспотов. Присоединяясь к развитой Яковенко двучастичной классификации всей совокупности документов, исходящих из императорской канцелярии, Острогорский показал эволюцию этих двух основных типов византийских императорских актов — простагм и хрисовулов: постепенное исчезновение многочисленных видов документов, принадлежащих к группе простагм, промежуточных видов документов между группой простагм и группой хрисовулов, конституирование и стандартизацию дипломатического состава этих актов и стабилизацию терминологии. Он подчеркнул роль XIII в. как «переходной эпохи» в истории византийской дипломатики, после которой была завершена кристаллизация основных типов императорских документов.⁸

Изучение преамбул византийских императорских документов привело австрийского ученого Хунгера к весьма интересным выводам.⁹ Эти риторические вступления своей главной функцией имели функцию пропаганды основ императорской власти, служили для связи публично-правового акта с господствующими идеями имперского правительства и носили таким образом ярко выраженный политический и социальный характер. По своей композиции все преамбулы делятся на двух- и трехчастные. Двухчастные состоят или из философского размышления, основанного на цитате из Библии, вторая часть которого относится к конкретному случаю, по поводу которого издается документ, или из длинной цитаты из Ветхого завета, которому затем противопоставляется соответствующее место из Нового завета, или, наконец, из общего рассуждения о боге, с одной стороны, и об императорской власти — с другой. Трехчастные преамбулы, встречающиеся реже, делятся в свою очередь на две группы, в первой из которых указывается дело, по поводу которого выдается документ, подчеркивается польза, которую получает дестинатор, и приводятся относящиеся к этому делу определения. Преамбулы второй группы содержат

⁷ G. Ostrogorski. *Autour d'un prostagma de Jean VIII Paléologue*. *Зборник радова византолошког института*, X, 1967, pp. 63—87.

⁸ Там же, 68—69, 72.

⁹ H. Hunger. *Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden* [= *Wiener byzantinische Studien*, I], Wien, 1964. Дополнением к работе Хунгера была работа Броунинга: R. Brownig. *Notes on Byzantine Prooimia*. Wien, 1966.

рассуждение об императорской власти, переход к данному случаю и постановление императора.¹⁰

Среди не столь уж обильной литературы, посвященной изучению византийских документов с точки зрения собственно дипломатики,¹¹ главное место занимают несомненно труды Ф. Дэльгера, сделавшие, по выражению Острогорского, эпоху в изучении византийской дипломатики.¹² Его «Регесты» — это критический, аналитический и библиографический каталог всех дошедших до нас изданных, неизданных, а также не дошедших до нас, но упомянутых в нарративных и дипломатических источниках актов императорской канцелярии, дают ясную картину того, чем могут располагать исследователи при изучении византийского публично-правового акта.¹³ Правда, работы Дэльгера нельзя назвать «дипломатическими» в собственном смысле этого слова. Особенностью их является всестороннее освоение и издание (если он не издан или издан плохо) нового документального материала. При этом среди всего комплекса операций, предназначенных для подготовки источника к использованию в исследовательских целях, знаменитое дэльгеровское *Diplomatisches* имеет как бы вспомогательно-прикладное значение, а на самом деле содержит важные указания относительно фундаментальных принципов византийской дипломатики. Особенно это относится к изданию афонских актов и публикации факсимильных репродукций императорских дипломов, снабженных богатейшим дипломатическим комментарием.¹⁴ В многочисленных статьях Дэльгера, написанных в разное время, часть которых была впоследствии собрана в одной книге под весьма условным названием (это признает сам автор в «предисловии») «Византийская дипломатика»,¹⁵ рассеяно мно-

¹⁰ H. Hunger. Proömion, SS. 191, 203, 188—189.

¹¹ Мы должны оговориться, что данная работа отнюдь не претендует на исчерпывающее в библиографическом отношении освоение литературы, ограничиваясь самым общим показом современного состояния изучения византийской дипломатики. Затем, присоединяясь к исследователям, понимающим дипломатику как актовое источниковедение (а акты как документы договорного характера), мы исключаем из поля нашего рассмотрения работы, посвященные, например, изучению сфрагистики, писцовых книг, — практиков, кадастров и т. д.

¹² G. Ostrogorsky. *Autour d'un protagma...*, p. 69, n. 27.

¹³ F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (= *Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neuen Zeit, Reihe A., Abt. I, 5 Teile*, München—Berlin, 1924—1965). Существенные дополнения и исправления см.: В. Ферjančić. *Notes sur la diplomatie byzantine (à propos du cinquième tome des Régestes des diplômes impériaux)*. Сборник радова византологског института, X, 1967, pp. 251—296.

¹⁴ F. Dölger. 1) *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden*. München, 1931; 2) *Aus den Schatzkammern des heiligen Berges*. München, 1948.

¹⁵ F. Dölger. *Byzantinische Diplomatik. 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner*, Ettal, 1956. Из написанных позднее статей Дэльгера отметим следующие: F. Dölger. 1) *Ein Echtheitsmerkmal des byzantini-*

жество ценных сведений о дипломатике публичноправовых документов императорской и деспотских канцелярий, о юридической сущности некоторых разновидностей частных документов, о подлогах документов, о системе знаков, сохранявшихся византийской канцелярией в тайне с целью гарантировать подлинность акта и т. д.

На основе огромного подготовительного материала Дэльгером (совместно с Караяннопулосом) недавно был создан первый обобщающий труд о византийской дипломатике, первую часть которого авторы посвятили документам, исходящим из императорской канцелярии.¹⁶ В этой работе впервые представлены в систематизированном виде наши знания о византийской дипломатике (по крайней мере о дипломатике императорских документов) и высказаны теоретические и методологические взгляды авторов на дипломатику как науку. К чему они сводятся? Для авторов этой работы дипломатика — это вспомогательная историческая дисциплина, имеющая своей целью критическое изучение документов по их происхождению и характерным особенностям для установления их подлинности и создания тех предпосылок, которые допускают их использование в качестве средства доказательства.¹⁷ Это определение заимствовано у Редлиха, на которого авторы и ссылаются.¹⁸ Соответственно предметом дипломатики считаются «документы любого рода»: 1) акты в собственном смысле этого слова, т. е. письменные документы в канцелярской форме с содержанием юридического характера; 2) письма, т. е. письменные уведомления в более или менее определенной форме, не обязательно юридического характера; 3) поручения, указы, полномочия и другие письменные выражения, занимающие промежуточное место между документами в узком смысле и письмами; 4) наконец, все, что служит для издания и обращения документов, т. е. протоколы, соответствующие служебные заметки и т. д.¹⁹

Таким образом, предмет дипломатики понимается авторами расширительно, впрочем, в точном соответствии с традиционными представлениями западноевропейской историографии. Этот

schen Chrysobulls. Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 10, 1962, SS. 99—105; 2) Geheimnisse der byzantinischen Kaiserkanzlei. Byz.-Neugriechische Jahrbücher, 19, 1966, SS. 56—61; 3) Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. Actes du XIIe Congrès International d'Etudes byzantines, I, Beograd, 1963, pp. 83—103.

¹⁶ F. Dölger—J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: die Kaiserurkunden, München, 1968.

¹⁷ Там же, стр. 23.

¹⁸ Ср.: O. Redlich. Allgemeine Einleitung zur Urkundenlehre (Urkundenlehre v. W. Erben—L. Schmitz—Kellenberg—O. Redlich, I. Teil). München—Berlin, 1907, S. 18.

¹⁹ F. Dölger—J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre, S. 23.

расширительный подход к проблемам дипломатики особенно наглядно обнаруживается из структуры книги Дэльгера и Караяннопулоса, в которой наряду с формулярным анализом различных видов и типов императорских документов исследуются чисто документоведческие вопросы, т. е. постановка делопроизводства в императорской канцелярии, технические и формальные характеристики документов (материал, на котором писались документы, чернила, шрифты, различные служебные пометы, скрепление печатью для удостоверения подлинности документов), состав лиц, ведавших выдачей и оформлением документов и, наконец, история императорской канцелярии как таковой.

Большое внимание в книге Дэльгера и Караяннопулоса уделено изучению и классификации копий византийских документов. Это оправдано не только тем фактом, что византийские императорские документы дошли до нас по большей части в копиях, но и важной ролью копии в жизни византийцев. Они изготовлялись не только для того, чтобы получатель оригинала мог показывать копию вместо оригинала, скажем, сборщикам налогов, если шла речь о пожаловании налоговых льгот, но и как средство доказательства в случае судебного разбирательства. В ранневизантийское время копии публичных документов, согласно закону, не могли быть представлены в суд, требовался только оригинал, но с течением времени копии стали признаваться в качестве имеющего законную силу средства доказательства.²⁰ Интересно отметить, что канцелярские копии (*ἴσον* или *ἰσότυπον*), изготовлявшиеся самой императорской канцелярией одновременно с оригиналом документа и являвшиеся по содержанию и форме точными воспроизведениями оригинала, отнюдь не были идентичным экземпляром по отношению к последнему, который мог быть изготовлен только в одном экземпляре, в то время как мы знаем, что при заключении юридической сделки частными лицами изготовлялось несколько *ἴσα*, каждый из которых был идентичным экземпляром одного и того же документа, т. е. оригиналом, а копия обозначалась термином *ἀντίγραφον*.²¹

Большое внимание, которое Дэльгер и Караяннопулос уделили такой специфической группе византийских документов, как подделки, объясняется их пониманием дипломатики как науки, важнейшей задачей которой является установление подлинности документов, отличие подлинных актов от подложных. Авторы подчеркивают, что дипломатическая критика не может ограничиваться констатацией факта, подлинный документ или подложный, а должна установить, был ли использован для подделки

²⁰ Там же, 129—130.

²¹ См.: B. Kübler. *ἴσον* und *ἀντίγραφον*. Zeitschrift der Savigny—Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanische Abteilung, Bd. 53, 1933, SS. 64—98.

подлинный оригинал, и если да, то какие из его частей были заимствованы поддельвателем.²²

Центральной темой работы Дэльгера и Караяннопулоса является, естественно, типология документов, вышедших из императорской канцелярии, и исследование их дипломатического состава. Обращаясь к изучению непосредственно императорских документов, авторы указывают, что корни их следует искать в римских и эллинистических образцах, подчеркивая при этом, что именно римские императорские документы, прежде всего *decreta* и *edicta*, были их «непосредственными предшественниками».²³

Византийские императорские документы подразделяются на следующие типы.

I. Документы законодательного характера — *leges* или *constitutiones* (*generales*), направляемые в сенат, и *ediktēs* — послания к народу, наряду с которыми существовал «закон» (*νόμος*), «новелла» (*νεαρά*), реже *sacra*, причем если до XI в. общие законы имели форму эдикта, то с XI в. они начинают принимать форму специальных законов (*leges speciales*), издаваясь как *χρυσόβουλλοι λόγοι* или *προστάγματα*.²⁴

II. Документы по конкретным правовым случаям, возникшие в связи с запросами представителей власти, групп лиц или даже отдельных лиц. Это решения императора в форме *epistula* (*ἐπιστολή*, *σάκρα*) или *subscriptio* (*λύσις*, *σημείωσις*), причем *λύσις* первоначально был ответом императора на *ὑπόμνησις* или *ὑπομνηστικόν*, т. е. запрос чиновника по вопросам администрации и фиска, а *σημείωμα* — ответом императора на вопросы, касавшиеся гражданско-правовых и церковно-правовых дел, но со временем эти оба типа документов стали применяться для пожалования льгот и тем самым утратили право на существование, будучи заменены *prostagma*ми, *sigillia*ми и даже *хрисовулами* *логосами*.²⁵

III. Внешнеполитические акты — договоры, письма к иностранным государям, верительные грамоты послам. Интересно отметить, что договоры, оригиналы которых дошли только с XII в., рассматривались византийцами в соответствии с их политической доктриной как привилегия, как акт милости, оказываемой императором иноземному правителю, и в силу этого имели форму жалованной грамоты — *χρυσόβουλλος λόγος*, иногда —

²² При определении методов работы поддельвателей было бы полезно, как нам кажется, использовать четкую классификацию Зантифаллера, который предложил делить все подделки на материальные (когда подделано содержание при сохранении формы подлинного документа) и формальные (когда подделана форма при сохранении подлинного содержания). См.: L. Santifaller. *Urkundenforschung. Methoden, Ziele, Ergebnisse*. Köln—Graz, 1968, S. 42.

²³ F. Dölger—J. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre*, S. 24.

²⁴ Там же, стр. 24, 71—76.

²⁵ Там же, стр. 24, 80—83.

χρυσόβουλλον σιγίλλιον. Этапом в развитии договорных документов был Нимфейский договор Византии и Генуи (1261 г.), когда они утрачивают форму жалованной грамоты и называются уже не χρυσόβουλλοι λόγοι, а privilegium sacramentatum, κεφάλαι, tractata, χρυσόβουλλον ὀρκωμοτικόν, treva и т. д.²⁶

IV. Документы административного характера, указы императора о пожаловании звания, о назначении на должность. К ним относятся πρόσταγμα и ὄρισμός, заменившие исчезнувших в конце XII в. λόσις и σημείωσις, а также σιγίλλιον, σίκρα, ὑποτόκωσις, probatoria, codicilli.²⁷

V. Жалованные грамоты, для которых с конца IX или начала X в. стали использоваться специальные типы документов особо торжественной формы, снабжавшиеся золотой печатью и называвшиеся поэтому хрисовулами. Хрисовулы по значению пожалованных льгот делились на 3 группы: χρυσόβουλλος λόγος (самая высокая степень пожалования), χρυσόβουλλον σιγίλλιον и χρυσόβουλλος ὄρισμός.²⁸

Такая тщательная фиксация каждого вида документов имеет наряду со своими достоинствами и существенные недостатки. В этом разнообразии как бы растворилась четкая двураздельная классификация Яковенко, которую в своих более ранних работах обосновывал и Дэльгер,²⁹ т. е. выделение из всех императорских документов двух основных типов — простагм и хрисовулов.

В своем подразделении формуляра византийских императорских документов на части Дэльгер и Караяннопулос пользуются схемой Зиккеля, различая в каждом документе «собственно документ», т. е. текст, и вводяще-закрывающие формулы, т. е. протокол, который в свою очередь подразделяется на собственно протокол и эсхатокол. Протокол включает в себя: 1) Invocatio, которая могла быть символической, т. е. знаком креста или христорограммой, или буквальной, т. е. призыванием св. Троицы в форме ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. В некоторых типах документов, например во внешнеполитических актах, invocatio часто вообще опускалась, как, впрочем, и весь протокол. 2) Intitulatio — обозначение лица, от которого исходит до-

²⁶ Там же, стр. 24, 89, 95, 99—100.

²⁷ Там же, стр. 24, 109.

²⁸ Там же, стр. 25, 117.

²⁹ См., например: F. Dölger. Der Kodikellos... In: Byzantinische Diplomatik, SS. 39—43. Что касается χρυσόβουλλον σιγίλλιον, то Дэльгер рассматривал его как промежуточный тип (Zwischenform) между χρυσόβουλλος λόγος и простагмой (там же, стр. 44). Правда, позднее в своей работе «Aus den Schatzkammern des heiligen Berges» он ввел трехраздельную классификацию, выделив в особую группу χρυσόβουλλον σιγίλλιον (S. 19 ff.), но в своем докладе на XII Международном конгрессе в Охриде, как отмечает Острогорский, снова вернулся к двураздельной классификации. См.: F. Dölger. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei, SS. 83—103. Ср.: G. Ostrogorsky. Autour d'un prostagma, p. 69, n. 27.

кумент, т. е. в данном случае императора с присовокуплением титула *αὐτοκράτωρ* и эпитета *πιστὸς ὀρθόδοξος*. 3) *Inscriptio* — обозначение адресата, например наименование получателя, которому вменялось в обязанность проведение закона (ставилось в дательном падеже). В хрисовулах логосах *inscriptio* адресовалась не отдельным лицам, хотя выраженная в документе воля императора относилась к определенному лицу, а вообще ко всем, и выражалась постоянной формулой (*Pertinentia*), составленной из греческих и латинских букв: \div *Pāsin oīs tō parōn ἡμῶν εὐσεβῆς epideiktōtai sigillion* \div .

В «тексте» императорских документов различаются: 1) *Prooimion* (*arenga*) — риторическое введение ко всему тексту, при характеристике которого Дэльгер и Карааннопулос пользуются данными работами Хунгера. 2) *Narratio* — изложение существа дела. Яковенко отмечал упоминание в этой части просьбы (*δέησις*) получателя или третьего лица, по которой хрисовул обычно и жаловался и которую он сравнивал с *petitio* западноевропейских актов, хотя и не склонен был выделять ее в особую часть документа из-за ее тесной грамматической и логической связи со всем изложением.³⁰ 3) *Dispositio* — распоряжение, самая существенная часть документа, в которой выражается воля императора и удовлетворяется просьба получателя. Если речь идет о хрисовуле логосе, которым жалуются налоговые льготы, то все виды налогов, от которых освобождался получатель, приводятся в *dispositio* и указываются все чиновники фиска и администрации, которым запрещается вход во владения получателя. В *dispositio* повторяются все существенные пункты *narratio*, начиная с XIV в. добавляется еще третье повторение, которым получателю документа гарантируется, что он и в будущем будет пользоваться пожалованными привилегиями без всякой опасности. *Dispositio* чаще всего вводится предложением *διὸ (ὅθεν) διορίζεται ἡ βασιλεία μου* (например, в *prostagma*), а заканчивается предостережением (*sanctio*), которое в некоторых случаях усиливается угрозой покарать штрафом (со стороны божества — *sanctio spiritualis* или императора — *sanctio temporalis*) каждого, кто осмелится нарушить предписания документа.³¹ Предостережением заключается текст и вводится эсхатокон, включающий в себя *datum* и *subscriptio* — важные конститутивные элементы византийских документов, исходящих из императорской канцелярии. Дата и подпись писались киноварью рукою

³⁰ П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот, стр. 85—86.

³¹ F. Dölger—J. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre*, S. 122. Яковенко выделял предостережение в особую, последнюю часть текста льготных хрисовулов, уделив вообще большое внимание этой формуле. См.: П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот, стр. 88—96.

самого императора и означали окончательное удостоверение документа. Именно различие в способе датировки, как это подчеркнул еще Яковенко, было основным критерием принадлежности императорских документов к тому или иному типу. Главным отличительным признаком всех императорских грамот упрощенного типа, т. е. типа простагм, является сокращенная датировка, которая состояла из обозначения месяца и индикта (минологий или минологима).³² Такой минологий ставился киноварью собственноручно императором и заменял собою императорскую подпись. Что касается хрисовулов, то в них применяется полная датировка с указанием месяца, индикта и года от сотворения мира в форме: ἀπολυθείς (имеется в виду хрисовул логос) κατὰ μήνα . . . τῆς ἐνισταμένης . . . ἰνδικτιῶνος τοῦ . . . ἔτους, после чего приводится обязательная для хрисовула формула: ἐν φ̄ και τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς και θεοπρόβλητον ὑπερσημήνατο κράτος, и, наконец, собственно-ручная подпись императора с присовокуплением титулов: ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς και ἀβτοκράτωρ Ῥωμαίων³³.

Заканчивая этот краткий обзор, нам кажется уместным задаться вопросом о дальнейших путях развития византийской дипломатики как науки. В книге Дэльгера и Караяннопулоса есть такая фраза: «. . . все, что может быть сказано о теории византийской дипломатики, в большей своей части уже сказано».³⁴ Думается, что с этим нельзя согласиться. Если наши представления о византийских документах, исходящих из императорской канцелярии, действительно можно считать удовлетворительными, то это вряд ли можно утверждать в отношении других типов публичных документов, в частности документов, исходящих из патриаршей канцелярии,³⁵ и уж во всяком случае этого нельзя сказать о частных актах, оформляющих частноправовые сделки. Правда, частноправовые акты (например, купчие грамоты) сохранились в незначительном количестве, но они есть и изучать их с точки зрения дипломатики можно. Очень интересна в этом отношении небольшая статья Каждана, посвященная анализу формуляра поздневизантийских частных актов (купчих грамот), вышедших из различных локальных канцелярий (в частности, митрополичьих канцелярий Солуни, Серр, Милета и Смирны). Исследуя различные формулы и клаузулы, весь формуляр актов, Каждан приходит к выводу, что в Византии не существовало

³² П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот, стр. 104.

³³ F. Dölger—J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre, S. 123.

³⁴ Там же, стр. 19.

³⁵ Крупным вкладом в изучение патриарших документов является работа Даррузе о дипломатике основного вида документов патриаршей канцелярии — питтакиев — с публикацией руководства по их составлению. См.: I. Darrouzès. Ekthésis néa. Manuel des pittakia du XIV s. Revue des études byzantines, XXVII, Paris, 1969, pp. 5—127.

единого для всей империи формуляра купчих грамот, что в Византии, как и на Западе, в каждой крупной канцелярии существовал свой формуляр, который изменялся с течением времени.³⁶ Говоря о частных документах, нельзя не отметить того факта, что в настоящее время публикуется огромное количество папирусов, происходящих из различных канцелярий византийского Египта, среди которых подавляющую часть составляют именно договорные частноправовые акты. Но относясь лишь к первым векам византийской эпохи и представляя собою специфический локальный материал, папирусы стоят как бы в стороне от общей массы византийских дипломатических источников, а папирология все больше и больше обособляется в отдельную науку со своими специфическими, присущими только этой науке приемами и методами исследования.

Но дело даже не в сумме подлежащих изучению источников, а в самом понимании науки дипломатики. Как мы видели, византийская дипломатика целиком зиждется на традиционных представлениях классической науки дипломатики, которая, сделав свое дело, все больше становится тормозом на пути развития дипломатики. Именно стремлением преодолеть консерватизм классической дипломатики объясняются дискуссии, ведущиеся в советской историографии относительно русской дипломатики. Например, в работах С. М. Каштанова обосновывается роль дипломатики как специальной исторической науки, в задачу которой входит исследование содержания актов через актовый формуляр, отграничение ее от документоведения с его изучением чисто технической стороны делопроизводства и формальных признаков вступительных частей документов, ставятся вопросы о природе акта как договорного документа, о выделении актов из общей массы просительных, процессуальных, указных, законодательных и других документов, о природе жалованной грамоты как документа, занимающего промежуточное положение между «актами» и «неактами», и т. д.³⁷

Думается, что подобные вопросы должны ставиться и в области изучения византийской дипломатики, без чего невозможен дальнейший процесс творческого развития этой науки.

³⁶ А. П. Каждан. Локальные формуляры поздневизантийских грамот. Византийский временник, III, 1950, стр. 393.

³⁷ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970; ср.: С. М. Каштанов. 1) Дипломатика как специальная историческая дисциплина. Вопр. истории, 1965, № 1, стр. 39—44; 2) Предмет, задачи и методы дипломатики. Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы, М., 1969, стр. 134—170.